18+

ЭМИ ГОЛДСМИТ

ПЕРЕВОД НИЯЗА АБДУЛЛИНА

НАШИ ТЕМНЫЕ ИСТОРИИ

БОЙТЕСЬ СМЕРТИ ОТ ВОДЫ

Эми Голдсмит
Наши темные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74715476
Наши темные истории:
ISBN 9785006328990

Аннотация

Одна роковая ошибка сделала Меган изгоем. И теперь приглашение провести Хеллоуин в ирландском поместье бывших друзей – ее последний шанс вымолить прощение. Вот только вместо аристократической роскоши Меган встречает ветшающий готический особняк, пропитанный холодом и озерной сыростью. Зеркала здесь завешаны черной тканью, а по ночам раздается странный плач. Местные шепчутся о банши, обитающей в мутных глубинах, и обходят поместье стороной.

Когда начавшаяся буря отрезает дом от внешнего мира, вечеринка оборачивается западней. Напряжение растет, вскрывая давние обиды, вода подбирается все ближе, а пугающие легенды оживают. Вскоре Меган понимает: в этих стенах таится угроза куда реальнее призраков.

У каждого из гостей есть своя темная история. Вопрос лишь в том, как далеко они зайдут, чтобы не дать ей всплыть на поверхность.

Содержание

1 10
2 22
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Эми Голдсмит
Наши темные истории

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Переводчик: *Нияз Абдуллин*
Редактор: *Александра Горбачева*
Главный редактор: *Анастасия Дьяченко*
Заместитель главного редактора: *Анастасия Маркелова*
Арт-директор: *Дарья Щемелинина*
Руководитель проекта: *Александра Горбачева*
Дизайн обложки и макета: *Дарья Щемелинина*
Верстка: *Анна Тарасова*
Корректоры: *Наталия Шевченко, Мария Москвина*
Леттеринг: *Владимир Аносов*
Ридер: *Марина Самойлова*

© 2024 by Amy Goldsmith
This edition published by arrangement with InkWell

Management LLC and Synopsis Literary Agency
Иллюстрация на обложке © 2024 by Marcela Bolívar
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2026

* * *

MARSH
MALLOW
BOOKS

НАШИ ТЕМНЫЕ ИСТОРИИ

ЭМИ ГОЛДСМИТ

Marshmallow Books

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Посвящается Кире и Рори, моим светочам

1

Самолет яростно несся по взлетно-посадочной полосе аэропорта Шаннон[1], а с хмурого и плоского серого неба в стекло иллюминатора били капли дождя.

Полет выдался короткий, короче, чем я ожидала, и чувствовалось легкое разочарование. Как будто и не было нервяка перед вылетом.

С той самой секунды, когда утром дверь квартиры захлопнулась у меня за спиной, появилось стойкое ощущение чего-то недоброго – мысль, что нечто помешает добраться до цели: поезд отменят или пилот заболеет, если не хуже. И все время перелета через Ирландское море у меня над головой словно бы угрожающе раскачивался дамоклов меч.

Эту поездку я ждала целых три месяца.

Я проверила время на экране телефона. Всего-то третий час пополудни, а октябрьский день, и без того блеклый, уже посмурнел, укутанный жирными черными тучами. Мама предупреждала, что погода в Ирландии славится своей сыростью.

Себ и Лотти прилетели на несколько часов раньше, а значит, мне предстояла долгая поездка на такси в гордом одиночестве. Впрочем, выбора особо не было. Люди моего сор-

[1] Международный аэропорт Шаннон – одна из крупнейших воздушных гаваней Ирландии.

та бизнес-классом от «Бритиш эйрвейз» не летают, не то что Рены.

Снаружи, дождавшись машины, я рассеянно поблагодарила водителя – пухлого мужчину с копной седых волос и в растянутой клетчатой рубашке, – когда он убрал чемодан в багажник и галантно распахнул передо мной дверцу.

Поначалу он еще пытался завязать разговор – неуклюже выведывая, чего это особа моего возраста делает на западном побережье Ирландии совсем одна, – но после пяти минут односложных ответов уловил наконец-то намек. Я с чистой совестью надела наушники и снова погрузилась в мысли.

Мы катили по узким и пустынным дорогам, мимо уютных на вид домиков, а в животе у меня от страха словно свивали кольца змéи. Я еще никогда не бывала за границей и каждый раз смущенно отказывалась от школьных поездок в Вербье[2] или, там, на Занзибар, потому что стоили они больше, чем мама зарабатывала за год. И это – с учетом моей стипухи и субсидий. Поэтому, когда очередным скучным субботним утром в одиннадцать часов у меня во «Входящих» появилось приглашение Лотти, я чуть не заорала от радости, словно Скрудж[3], в открытое окно. Шанс провести осенние кани-

---

[2] Швейцарский горнолыжный курорт.

[3] Эбенизер Скрудж – главный герой повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе»; ростовщик и скряга, резко изменивший взгляды на жизнь после откровения в канун Рождества.

кулы в ирландском родовом гнезде Ренов! От одной мысли, что у кого-то из знакомых есть родовое гнездо, я до сих пор насмешливо фыркала.

Еще до того, как я опозорилась на летнем балу, Лотти целую вечность распиналась о потрясной вечеринке в честь Самайна (видимо, традиционный Хеллоуин казался ей чересчур прозаичным), и если это звучало претенциозно, то лишь потому, что так оно и было. Все, связанное с Шарлоттой Офелией Рен, арт-звездой эксклюзивной академии Грейскоттс, непростительно претенциозно.

Впрочем, будоражила не сама вечеринка. Мне предоставили возможность исправиться. Вернуться в ближний круг и, что еще важнее, в Грейскоттс. Я словно увидела в темной комнате лучик света из-под двери.

Двенадцатое ноября.

Близилась дата слушания по делу о моем отстранении, и мысль о нем жгла мозги раскаленным клеймом. Она обрушивалась на меня со страшным скрежетом в те спокойные моменты перед окончательным пробуждением, когда еще несколько драгоценных секунд все кажется нормальным. Эта поездка стала для меня первым и, возможно, единственным шансом склонить чашу весов в свою пользу.

Я заставила себя вернуться в настоящее. Если честно, местный дождь впечатлял: сколько мы ехали среди пышных зеленых лугов, он не сдавался, а ритмичное скольжение дворников по лобовому стеклу убаюкивало. Я изнывала в

предвкушении, но изнутри при этом меня грызла тупая боль. Она поселилась в животе с вечера летнего бала и больше не уходила. Впервые я увижу всех в сборе. Впервые увижу Себа после той роковой ночи…

– Черт! Че-е-ерт!

Остервенелая ругань водителя вклинилась в поток моих мыслей, а машина, заложив вираж, эпично вылетела на травянистую обочину и чуть не врезалась в приземистую кремниевую ограду. Меня кинуло вперед, и я впечаталась лбом в спинку сиденья. Сердце ушло в пятки. Сдернув наушники, я, чуть дыша, спросила:

– Эй… ч-что случилось? Мы… мы сбили кого-то?

Я глянула в зеркало заднего вида на лицо водителя. Он сильно жмурился и, сипя, хватался за сердце. Его кожа приобрела пугающе серый оттенок.

– Эй… эй! Что с вами?

Сквозь мерный скрип дворников я расслышала еще кое-что. Откуда-то сзади доносились тихие судорожные всхлипы. Кое-как отстегнув ремень безопасности, я обернулась. Мне было страшно смотреть, я боялась поднять голову и молилась, чтобы мы никого не сбили насмерть.

Где-то в метре за нами на траве скорчилась, уронив голову на руки, женщина. Ее силуэт четко выделялся на фоне сердитого неба. Длинные, потемневшие от дождя волосы падали на лицо и на черное траурное платье со стелющимся по земле подолом. Она промокла до нитки.

Я нашарила ручку дверцы, но та не открылась.

– Черт… Мы… мы что, сбили ее?

Женщина плакала и плакала. Всхлипы звучали то тише, то громче, и у меня разрывалось сердце. Теперь я слышала их так отчетливо, словно женщина сидела с нами в салоне машины. Я с трудом поборола желание зажать уши.

– Как думаете, она не… пострадала? Может, осмотреть ее?

Я снова заставила себя обернуться. Женщина села – хороший знак. По ней нельзя было сказать, что она ранена: не хлестала кровь, не болтались сломанные конечности. Слава богу. Видимо, у нее просто шок.

И все же плач продолжался. Он звучал все громче: глухой, с неприятными скрежещущими нотками. И хотя с виду женщина была цела и невредима, по мрачным документалкам о работе аварийных служб, которые так любила мама, я помнила: бывают еще и внутренние повреждения. Нужно вызвать скорую.

Водитель молчал, сбивчиво дыша. Может, и он в шоке? Или… не дай бог, у него сердечный приступ? На пышущего здоровьем человека он не тянул. А если организм слабый, то… Господи. Внутри меня расправила темные крылья паника, и я полезла в рюкзак за телефоном. Кое-как разблокировала экран. Здесь вообще номер спасателей такой же? Я принялась набирать его дрожащими пальцами, как никогда четко ощущая близость рока. Зашибись поездка нача-

лась.

Заглохший было двигатель внезапно ожил, и машина вылетела на дорогу. Взвизгнула тормозами.

– Эй! – вскрикнула я, уронив телефон под ноги и наспех пристегнувшись. – Подождите. Давайте все-таки вернемся и осмотрим ту женщину. Вдруг она ранена? Плачет ведь…

Так-то мы вроде ни в кого не врезались. Сами вылетели с дороги, попытавшись ее объехать, но проверить было бы не лишним…

«Ну, ирония, – подумала я. – Сама облажалась, а теперь строю из себя гражданина года…»

Таксист прокашлялся.

– Что? – спросил он. – Ты о чем вообще? Это же так, пьянчужка старая.

Непринужденно-шутливое настроение испарилось. Он вдруг стал холодным, даже неприятным, и в его голосе звучала неуместная резкость.

– Она была расстроена, а не пьяна, – возразила я. – И осталась прямо за нами. Вы наверняка слышали ее плач.

– Фигню я слышал, – отрезал водитель.

Я круглыми глазами посмотрела на него в зеркало заднего вида, а он хмуро зыркнул в ответ, как бы подначивая: ну, мол, говори дальше, чего замолчала? Он несся по магистрали с бешеной скоростью и в какой-то момент под очередной жалобный визг тормозов резко свернул с дороги. Хрустя гравием под колесами, погнал по неровному подъездному пути,

обсаженному по бокам деревьями.

Темнело.

Тесно сгрудившиеся, перекошенные вязы образовали подобие тоннеля с морщинистыми сводами. Сквозь густые кроны я различила вдалеке плоскую гладь воды, бурую, как подлива, и откровенно непривлекательную. Озеро.

– Все равно уже приехали, – буркнул водитель. – Если так интересно, что видела, то, ради бога, высажу – иди сама, проверяй.

Я ничего не ответила, потому что в самом конце заросшего сорной травой пути стоял Ренхолл.

Н-да, не такого я ждала.

Воображение рисовало мне величественное имение из экранизации какого-нибудь романа Джейн Остин, сооруженное из бледного кремового камня, с большими окнами, которые перемигиваются на солнце бликами, и с ионическими колоннами по бокам от огромной парадной двери. Ведь это гнездо близнецов Рен, в конце-то концов. Тех самых, чьи родители – щедрейшие из спонсоров Грейскоттса, о чем я случайно узнала, в шутку указав на фамильное сходство Лотти и Себа со строгими портретами предков в фойе академии.

Однако Ренхолл словно выдернули из готического романа – невзрачное, обветшалое строение, обвитое плющом. Тут и там в совершенном беспорядке по стенам, покрытым серой гравийной штукатуркой, были разбросаны неприглядные окна. Торчали вверх под несимметричными углами

несколько башенок: какие-то с зубцами, какие-то с черепичной кровлей. Дождевая вода каскадом стекала по крыше, почти полностью заросшей склизким мхом, изливаясь в разбитые водосточные желоба.

Гравийная дорожка была обставлена горшками и треснувшими вазонами с пожухлыми цветами. Все, от упрямого стального неба и его темного отражения в широком озере до моего собственного лица в тонированном стекле машины, было серым.

Секунду-другую я подумывала, не попросить ли водителя отвезти меня обратно в аэропорт, но после пугающей перемены в его настроении, вкупе с эксцентричной манерой вождения, вариант покинуть машину в тот момент показался мне меньшим из двух зол.

Водитель нажал кнопку, открывая багажник.

– Приехали, короче.

– Не волнуйтесь, чемодан сама достану! – бодренько, в пассивно-агрессивной манере сказала я и бросила ему несколько купюр. Потом вылезла наружу и закрыла за собой дверцу.

Вытащив свой дешевенький пластиковый чемодан и опустив его колесиками на землю, я с силой захлопнула крышку багажника. Машина тут же сорвалась с места, взметнув из-под колес фонтан камушков и оставив меня одну у Ренхолла.

Подъездная дорожка почему-то тянулась не к фасаду дома, а огибала его сбоку, словно бы ее проложили в последний

момент. Слева за деревянные ворота, закрыться которым не давали сорные травы, уводила тропинка. Она шла дальше узким проходом, окаймленная с одной стороны стенами дома, а с другой – высокой раскидистой зеленой изгородью. Испытывая странное чувство, будто за мной наблюдают, я покатила чемоданчик мимо темных окошек с ромбовидными стеклами, вставленных в стену под причудливыми углами, – с рам, словно пораженная лепрой, сползала краска, – пока наконец не оказалась у фасада.

Вниз, к крутому берегу, уходила и скрывалась в густых камышах неровная, заросшая усталой, пожухлой травой лужайка. Зловеще неподвижная водная гладь тянулась вдаль, обрамленная на противоположном берегу темным полумесяцем леса.

Надо же… Искупаться так и тянуло.

Из-за камышей ближе к дому выглядывало несколько круглых белых предметов. Мне стало любопытно, и я подошла присмотреться.

Должно быть, в какой-то момент озеро вышло из берегов, вознамерившись вторгнуться на территорию дома, потому что из воды, подобно наступающей армии, торчали каменные статуи. Вдохновленные древнегреческим искусством – у парочки не хватало голов, – они сплошь поросли скользкими водорослями. Я хотела улыбнуться этому зрелищу, но, если честно, атмосфера в целом производила скорее пугающий эффект.

С другой стороны, погода так и шептала… Я развернулась к дому, и в этот момент холодный ветер закрутил вокруг меня вихрь опавших листьев.

Я собралась с духом.

«Ну же, Мэг», – сказала я себе. Такой путь проделала. После самых одиноких летних каникул в моей жизни, за которыми последовали шесть нескончаемых недель отстранения от занятий, когда и без того тесные стены моей комнатушки с каждым днем давили все сильнее, мне выпала возможность снова влиться в священный ближний круг Лотти и, что, наверное, куда важнее, вернуться в Грейскоттс.

Я бросила последний взгляд на озеро, на застывшие, словно в ожидании чего-то, воды и развернулась к дому.

Каменная табличка над дверью любезно уведомляла о том, что дом был построен в 1768 году. Ого, и впрямь старинный. Попытка придать ему уютный вид вызывала особое уважение. Наверняка Лотти постаралась. По бокам от двери, под сенью шаткого черепичного козырька, расположились две огромные тыквы-фонарики, внутри которых весело трепетали язычки свечного пламени; компанию им составили экзотического вида кабачки в большой плетеной корзине. Рыжие гирлянды в обертке из тряпичных осенних листьев мерцали по периметру дверного проема, а в некоторых окнах на первом этаже в ярких цветных банках горели чайные свечи.

Окна верхних этажей взирали своими пустыми и темны-

ми глазами на озеро. Я прищурилась. Мне показалось там какое-то движение. Где все остальные? Я невольно вздрогнула.

«Соберись, Мэг! Тебя ждут».

Просто я промокла и замерзла, к тому же оказалась в чужой для себя стране, не в своей тарелке. Все снова будет классно, когда я наконец увижусь с Лотти, присоединюсь к ней у ревущего пламени в камине, за чайком в фарфоровой чашечке: «Эрл Грей» с долькой лимона. Рены берут от жизни лучшее.

Дождь лупил по макушке жирными каплями, и я быстро пошла вокруг дома, мимо старых, липнувших к стенам оранжерей с мутными стеклами. На фоне сурового неба их черные каркасы напоминали скелеты. Наконец я нашла дверь – судя по всему, кухонную: старую и тяжелую, покрытую практичной, но шелушащейся синей краской. Посередине имелось окошко из небьющегося стекла, забранное сетчатой решеткой. Рядом с дверью, как и предупредила в последнем сообщении Лотти, стоял крупный вазон, заполненный противной дождевой водой вперемешку с сорняками. Я скривилась и приподняла его, щедро окатив бурой жидкостью свои новые «конверсы», и, бормоча ругательства, подобрала с земли ключ.

Выглядел он непримечательно. Обычный бронзовый ключ от цилиндрового замка, с пластиковым ярлычком «Кухня». Меня по-прежнему не отпускало чувство, что за

мной следят, поэтому, перед тем как вставить ключ в замочную скважину, я украдкой огляделась.

Вошла я не сразу.

За дверью была огромная сумрачная кухня, где по углам густились тени. Наружу моментально вырвался резкий запах пыли, отчего засвербило в носу. Казалось, сюда уже десятки лет никто не входил.

– Ау? – позвала я, но мой голос тут же поглотила бескрайняя пустота.

Я неохотно переступила порог.

2

– Нет, Себ, клянусь тебе, я слышала кого-то…

Знакомый голос прозвучал приглашением, долетев из коридора за пределами кухни. Следом раздались шаги, и я облегченно опустила плечи.

– Мэг! Приехала! Обалдеть! Я уж думала, сюда еще сто лет никто не доберется.

Лотти вошла в кухню, вернее, как всегда, ворвалась ураганом. Ослепительным торнадо приторного дизайнерского парфюма, шелка и кудряшек. Она порывисто сгребла меня в объятия, а потом, отстранив на расстояние вытянутой руки, осмотрела с головы до ног своими синими глазами, такими большими на лице в форме сердца. Идеальном лице, собравшем больше ста одной тысячи фолловеров в инсте[4] (по последним подсчетам, как написала под фото своей недавней работы сама Лотти).

Я не сдержалась и улыбнулась в ответ, утирая щеки и яростно смаргивая слезы.

Эти долгие месяцы в разлуке стали для меня сущим наказанием.

Меня тянуло к Лотти как магнитом с самого знакомства. К девчонкам из Грейскоттса – престижной частной школы

[4] Деятельность продуктов компании Meta запрещена на территории РФ.

искусств, на обучение в которой я чудом получила стипендию, – страшно было подходить. Сбросив форму, они надевали до того дорогую повседневную одежду, что просто кровь из глаз, или обвешивались тщательно отобранными винтажными сумками «Биркин», с которыми когда-то ходили их мамы.

Первый раз я увидела Лотти, когда она покидала кабинет директора, преследуемая бурной похвалой. Я сама в ожидании вводной лекции грызла ногти, пытаясь широко распахнутыми глазами вобрать в себя окружавшую меня роскошь: необъятные просторы дорогого красного дерева, сверкающие окна с ромбовидными панелями и сплошные ковры винного цвета. Грейскоттс и построенная в семидесятые средняя школа в стиле брутализма, которую я только-только покинула, с ее выложенными серой плиткой и навечно пропитанными восхитительными ароматами пота и дешевой подливы коридорами, пребывали в разных вселенных. Заметив, как я таращусь по сторонам, Лотти игриво закатила глаза и с усмешкой на лице кивнула в сторону кабинета директора.

Во время первой нашей встречи я словно замерла в слепящем свете фар. Ее волосы ниспадали до поясницы буйными темными завитушками, а глаза на веснушчатом лице лучились голубизной. В море тщательно подправленных лиц она являла собой образец естественной красоты, если не считать жирной черной подводки.

– А, вот и она, – сказала директриса миссис Холмондли, и ее глаза засияли. Это была крупная женщина, разменявшая четвертый десяток и вечно одетая так, что выглядела лет на двадцать старше: в аляповатые шелковые блузки и темно-синие лодочки, к тому же поливавшая пепельно-светлые волосы таким количеством лака, что они даже не колыхались. – Наш новобранец. Мэг, знакомься, это Лотти. Наша грозная староста, она с радостью покажет тебе, что тут к чему. – И, повернувшись к Лотти, добавила: – Мэг приступает к учебе по художественной стипендии. Девочка – умница.

Я виновато улыбнулась, уже чувствуя себя неуютно из-за того, что стала для Лотти обузой, и удивилась открытой улыбке на ее лице. Лотти взяла меня за руку, и не успела я опомниться, как уже стояла в кругу ее друзей, словно этакий неказистый экспонат на выставке.

– Мэг у нас из Кэтфорда[5], – чуть ли не с гордостью объявила Лотти. – То есть типа трушный южный лондонец.

Друзья Лотти, с их парусиновыми сумками, которые они урвали на нишевых арт-шоу, и в заношенных «найках», выглядели куда дружелюбнее большинства девчонок в школе. И, как вскоре выяснилось, сама Лотти была не только красива, безумно богата и талантлива, но еще и добра. Бывают же люди, в которых сочетается все прекрасное.

И сейчас при виде ее солнечной улыбки стало казаться, будто злополучного бала никогда не было. Не первый раз я

[5] Район на юго-востоке Лондона.

пожалела, что это неправда.

– Да уж, добралась! Если честно, в небе чуть кирпичей не наложила. Это мой первый перелет.

– Кирпичей?! – снисходительно улыбнулась Лотти. – Ну даешь! Мы сами только приехали. Мама настаивала, чтобы мы сперва заглянули к ней на обед в Дублин. Ну, знаешь… Боже, сто лет тебя не видела!

Так и хотелось съязвить, мол, и правда, давненько, но я смолчала. Хотя все эти долгие месяцы постоянно просила ее встретиться и все обговорить, а она меня игнорила.

«Да ладно, Мэг, чего ты ждала? Что бы она сделала?»

Задвинув на время эти мысли подальше, я огляделась.

Кухня была просторной, в деревенском стиле и куда затейливей, чем можно было бы предположить по внешнему виду дома: стены из грубого беленого камня, вдоль одной из них – огромная черная плита; пол выложен терракотовой плиткой, а у окна стоит неотесанный деревянный стол, заваленный пакетами. С низких стропил свисают пучки сушеных трав и блестящие медные кастрюли.

Лотти обернулась, и я, проследив за ее взглядом, увидела, как по коридору нагруженный покупками, мрачно поджав губы, бредет ее брат.

– Себ! – мелодично позвала Лотти. – Хватит дуться. Смотри, кто тут!

Он пригнулся под низкой притолокой, входя на кухню, и мое сердце мгновенно замерло, стоило нашим взглядам

встретиться. Глаза у него были такие же, что и у сестры-близняшки, – только намного темнее – и посажены почти так же идеально.

– А, – протянул Себ, сразу же отведя взгляд. Мое сердце ухнуло вниз, словно оборвавшийся лифт. – Притащилась, значит? Ладно, Лотс выиграла спор, а то я говорил, что ты не приедешь.

Я выдавила улыбку. Что ж, не все, значит, мне рады, хотя я знала, чего ожидать. Поняла сразу, едва Лотти огласила весь список гостей. И я знала, что придется из кожи вон лезть, чтобы меня приняли, – просто некоторые вещи стоят усилий.

– С какой стати не приезжать? – коротко усмехнувшись, спросила я. – Халявная туса решает.

Себ хмуро улыбнулся, не разжимая губ.

– Верно.

Внутри все сжалось еще сильнее. Драгоценная жемчужина надежды, которую я лелеяла все это время – на то, что он будет втайне рад меня видеть, – рассыпалась в пыль. В следующую секунду он тяжеловато хлопнул меня по плечу и сунул мне в руки несколько пакетов, содержимое каждого из которых наверняка стоило больше всех вещей у меня в чемодане.

– Ну, раз уж ты здесь, то, думаю, не откажешься помочь? Отнесешь это наверх?

Лотти закатила глаза.

– Не тупи, Себ. Для этого есть Эймар. Боже, несчастная женщина извелась от безделья.

Не успела я и слова сказать, как Себ сердито вышел в сумрачный коридор, слегка пригнувшись, чтобы не удариться головой. Я так и осталась стоять, глядя ему вслед, – с пакетами и вся красная.

Некоторое время Лотти смотрела на меня с тревогой, а потом, быстро опомнившись, невесело рассмеялась.

– Ладно, давай сюда что-нибудь, подруга. Честное слово, иногда Себ – такой козел. Он точно знает, зачем ты приехала. По дороге я все ему рассказала.

Я прочистила горло, стараясь совладать с собой: надо сохранять спокойствие и собранность. Жаль, я забыла об этом тогда, на балу.

– Э-э, ну, спасибо.

– Все будет хорошо, – взяла меня за руку Лотти. – Вот увидишь. Все знают, как я хочу заново всех собрать. Сплотить, чтобы все стало по-прежнему. Начнем с чистого листа, как будто разрыва и не было. А теперь давай покажу тебе комнату и, самое главное, мастерскую.

* * *

Следом за Лотти я миновала несколько узких темных переходов, расписанных агрессивно крупными рыжими цветками. Потом мы оказались в очень просторной прихожей, где полированные черно-белые плиты пола блестели, словно дорогая шахматная доска. Над головами у нас покачивалась ве-

ликолепная люстра, чей хрупкий блеск был приглушен слоем пыли, а на верхние этажи вела внушительная винтовая лестница из полированного темного дерева. По обеим сторонам от ее подножья стояли две грубо вырезанные деревянные статуи: фигуры, опустившие скрытые капюшонами головы и сложившие ладони в молитве.

Посмотрев на меня, Лотти хихикнула:

– Жуть, да? В смысле, опоры. Так-то это святые. В здешних краях религия изо всех щелей прет.

Пока мы поднимались по ступням, я с восхищением разглядывала темные картины маслом в резных золоченых рамах. По большей части это были батальные марины с изображением неспокойного моря или портреты строгих людей, в чертах которых угадывалось отдаленное сходство с Себом. Несколько особенно крупных полотен были полностью скрыты черными накидками.

– А с этими что? – кивнула я на них. – Не для использования?

Лотти посмеялась.

– Зеркала. Эймар предпочитает держать их закрытыми. Какое-то старое ирландское суеверие. Уже и не помню, в чем дело. Эймар – это, кстати, наша экономка. Работает здесь так давно, что стала частью дома. Мне, по правде говоря, проще позволить ей страдать этой фигней. Но ты не переживай, в каждой комнате есть нормальное зеркало.

На втором этаже царил сумрак. И хотя часы показывали

только начало пятого, настенные светильники уже горели. Шипящие лампы в круглых, похожих на пузыри плафонах испускали слабое рыжеватое свечение. Лотти мотнула головой, указывая на закрытую дверь справа, в самом начале коридора.

– Это главная ванная, но туда, если честно, соваться не стоит. С ней что-то не так… – Она помолчала, заметив смущение на моем лице. – Слив не работает, – уточнила затем. – Воняет болотом. В доме полно других туалетов.

Мы миновали еще несколько одинаковых закрытых дверей, и наконец Лотти распахнула передо мной последнюю:

– А вот и твоя! Прости, что полотенца пересушены. Они реально жесткие, как доска. Веришь, нет, но в доме нет барабанной сушилки.

Я оглядела комнату. Старинная, мне она показалась просто огромной, площадью со всю мою квартиру. Внутри стояла дорогая, натурально винтажная мебель с позолоченными рамками и ножками в виде львиных лап, а еще – широченная кровать под пыльным гобеленовым балдахином, при виде которого я только порадовалась, что прихватила таблетки от аллергии. У одной из стен примостилась нелепая колченогая парта, над которой висела доска для заметок, местами выгоревшая на солнце. Обои с изображением плюшевых мишек с пустыми улыбками на мордочках слегка нагоняли жути, но уж пару-то дней, решила я, потерпеть можно.

– Открою маленькую тайну, – сказала Лотти. – Когда мы

в детстве приезжали сюда, тут жил Себ.

Стремно, реально стремно, но раз уж я гостила тут на халяву, то жаловаться не приходилось. Я внесла в комнату чемодан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.